

*Монастырь Хора. Кахрие-Джами.
Фреска «Анастасис»*

ЛЕКЦИЯ 4

С. Б. Сорочан

СМЕРТЬ В ВИЗАНТИИ

Христанская Церковь не проповедует скорбь об умершем. Стремясь оторвать верующего от суетного мира, она напоминает о неизбежности рокового мгновения, которое в Византии одни называли смертью, гибелью — фанатос, морос, другие — рождением в вечность, полагая, что дух набожного христианина, верующего в Воскресение, поднимается на небо, к Создателю, к вечной жизни. Гений языка Григорий Назианзин, самый читаемый автор после Библии, в поэме «О душе» так обосновал бессмертие души:

«Все же нетленна она и божественна, ибо не может Образ Великого Бога бесследно навек раствориться...»

Поэтому неумеренно печалиться об усопших, стенать, даже по умершим родным, значит не хотеть понимать этого, хуже того — роптать на волю Господа, а это грех, как и уныние, которое грызет душу и тело. Окончание жизненного пути для истинного христианина есть освобождение от забот и тягот, после чего ожидает радость Воскресения, по-гречески Анастасис.

Но, похоже, в Византии постулат о «не печали» не находил полного отклика, во всяком случае, среди мирян. Здесь, как и в языческие времена, сохранялся обычай нанимать плакальщиц (например, в Константинополе полагалось как минимум восьми идти перед гробом, а трем — за гробом) или самим, особенно женщинам, выставляться напоказ в плаче и рыданиях, обнажая плечи, терзая волосы, царапая щеки, в знак траура надевать черные одежды (кроме императора, облачавшегося в таких случаях в белое). В эпиграмме на смерть своей 23-летней сестры Арефа Патрский, архиепископ Кесарии Каппадокийской, писал: «И подняли тут старики-родители общий плач и седины свои начали в горести рвать». Анна Комнина вспоминала, как после смерти ее отца императрица-мать отрезала ей

волосы и заменила царские пурпурные одежды и обувь на черные. Знаком отчаяния и печали считалось также выщипывание волос из бороды. Василевс Мануил Комнин, когда потерял свою первую жену, некрасивую, пренебрегавшую косметикой Берту Зульцльбахскую, «ревел, как лев», не взирая на то, что при жизни открыто изменял ей.

Тем не менее, весь комплекс христианского чина погребения действительно был направлен на утешение, вдохновение и назидание окружающим. Как верно отмечает Питер Браун, «длительное оплакивание и медленное погружение в огромную печаль смерти начинают уступать место стремительной вере в жизнь после смерти... Мерцающие белые пелены, фимиам, строго контролируемые проявления скорби являются торжественным напоминанием о Христовом триумфе над смертью».

Сама могила Христа понималась как «место, где засверкала милость Воскресения». Именно этим, прежде всего, можно объяснить отказ от сожжения тел усопших — кремации, которая постепенно перестала использоваться христианами в качестве погребального обряда к V в., а с 768 г. была официально запрещена церковными властями. Основным способом погребения стала ингумация, то есть труположение в могиле или подземном склепе. Уже римский император Юлиан Отступник (361—363 гг.) сетовал, что христиане весь мир заплотнили мертвецами — у них, по его словам, болезненное пристрастие к могилам. Впрочем, надо заметить, что практика сожжения покойников, вероятно, вновь стала укореняться и широко распространяться к концу Византии. Это было связано с поисками среди умерших так называемых «преисподников» — катафонов и вурколаков, — покойников, которые в виде привидений поднимаются из могил и высасывают кровь людей. Официальная Церковь осуждала такие поверья, восходящие к XI—XII вв., но в народе и даже среди приходских священников они были широко распространены. В 1493 г. великий протосинкелл Константинопольского патриархата Иоасаф, отвечая на вопрос о поисках таких покойников, отвечал, что при этом раскапывают гроб и, видя нетленного многодневного мертвеца имеющим «тело, и кровь, и ногти, и волосы», жгут труп, при этом приготавливая для самих себя вечный огонь: «да будут сожжены, как сами сожгли труп...».

Погребальная служба рассматривалась византийцами как одно из шести главных святых таинств. Ее не совершали только над некрещеными, людьми иной веры или отрекшимися от веры, самоубийцами, мертворожденными или убитыми во чреве младенцами. Для похорон подходил любой день, кроме дня Святой Пасхи и дня Рождества Христова. Чинопоследование погребения начиналось с подготовки тела к упокоению, которая происходила в доме умершего, если он был светским лицом, или

в монастырской келье, если он был монах. Над умирающим, душа которого разлучилась с телом, читался при свечах особый молебный канон с соответствующими псалмами, когда надеждой звучали слова: «Вовек не забуду повелений Твоих, ибо ими оживил Ты меня».

Тело покойного омывалось и умащивалось маслами, аромата — благовониями в ознаменование духовной чистоты и непорочности жизни умершего. После этого «обряжали усопшего», видимо, одевали в чистые, новые одежды, сообразно званию или виду служения умершего, но наиболее часто окутывали тело белым льняным покрывалом — саваном, прандием или офони, и иногда обвязывали с головы до ног веревкой, как это видно в хорошо сохранившихся погребениях ранневизантийского Египта. Иоанн Хрисостом, объясняя значение таких белых погребальных одежд, называл их одеждами нетления и бессмертия. Если обряжали умершего архиерея или священника, в руки ему вкладывали Евангелие, с которым и хоронили в могиле. Кроме того, под голову иногда клали подушечку с лавровыми листьями, которые тоже имели символическое значение. Все это время над усопшим читали Священное Писание, пели погребальные псалмы и поминали усопшего в особых молитвенных обращениях к Богу и с произнесением имени покойного с целью скорейшего спасения его души. Молитва за спасение, кроме того, дополнялась благотворительными действиями. Расходы в процессе поминаения усопшего шли на трапезу, возжигание свечей, закупку ладана, масла, милостыню и изредка — процессию с иконами. При этом милостыня являлась одним из центральных элементов поминаения, должна была способствовать скорейшему отпущению грехов как умершего, так и подающего за него, помогала преодолеть собственные страсти, демонстрировала сострадание к другому человеку.

Когда приготовления заканчивались, тело усопшего на руках несли в храм. Перед выносом тела из дома над ним совершали церковную заупокойную литию, сопровождаемую каждением вокруг тела. Это каждение означало, что душа умершего христианина, подобно кадильному фимиаму, возносящемуся вверх, восходит на небо, к Престолу Всевышнего. Приготовления к погребению происходили всю ночь, пока длилось пение псалмов при горящих вокруг тела усопшего рожея свечах и лампадах. Псалмы продолжали исполнять и тогда, когда погребальная процессия, в которой участвовали родственники, друзья, благодетельствованные покойным, двигалась с телом усопшего к храму. В столице в таких случаях впереди шло не менее восьми женщин, далее следовал аскитр — носильщик свечей, а за ним — группа, состоявшая из канторов и певчих, исполнявших псалмы. Рядом с телом умершего следовали священники со свечами и диакон с кадильницей, а за ними шли прочие, окружающие покойника,

тоже с зажженными свечами в руках. Они как бы выражали духовную радость о возвращении своего брата или сестры к Вечному Свету — Богу. Недаром на ранневизантийских надгробиях, каменных крестах и на стенах гробниц кроме имени умершего обычной надписью в VI—VIII вв. стала сакральная формула «Фос Зои» — «Свет Жизнь». Она же присутствовала на многих металлических нательных крестах, а также на перстнях, щитках и язычках пряжек, в том числе обнаруженных в гробницах. Феодорит Киррский вспоминал в своей «Церковной истории», что, когда тело святого Иоанна Хрисостома переносили в Константинополь из глухого провинциального городка Коман, где он умер в ссылке, у сопровождавшего это шествие многочисленного народа были в руках свечи, так что Боспор казался огненным от отражения в его волнах света тысяч и тысяч свечей.

Собственно погребение предваряла церемония професиса, во время которой родственники умершего могли в последний раз проститься с ним. Для этого положенное в гроб или на погребальные носилки тело обычно выставлялось в нартексе, реже — посередине церкви, с лицом открытым, головой к западу, а ногами к востоку. Особо почитаемые члены клира полагались близ жертвенника. Покойный становился центром внимания всего церковного собрания. Тогда как в других церковных последованиях, даже крещения или брака, действовал один священник с диаконом, совершение погребения предполагало участие многих священнослужителей, случалось, с архиереем во главе. Останки усопшего становились как бы некоторой святыней и всякое каждение начиналось и оканчивалось каждением тела мертвого, как если бы дело шло о чествуемой святыне.

На третий день по кончине, считая от самого дня кончины, умершего удостоивали церковного чина отпевания — заупокойного богослужения с чтением особых молитв и Евангелия. Если не было возможности по разным причинам совершить очное отпевание над телом усопшего (отсутствовал священник или само тело), то необходимо было как можно скорее заочно отпеть покойного в церкви. При совершении этой требы родственники и близкие стояли рядом с телом покойного с горящими свечами и усердно молились вместе со священником. Наконец, под пение Трисагион — «Трисвятого» следовал вынос из храма тела умершего, обязательно ногами вперед, то есть лицом к выходу. Примечательно, что при захоронении тоже употреблялись благовония, миро.

Предание тела умершего земле долгое время надлежало устраивать на кладбище за пределами городских стен. Говоря словами Посланий Апостолов, это были нивы Божии, на которых «сеется в тлении, восстает в нетлении; сеется в унижении, восстает во славе; сеется в немощи, восстает в силе; сеется тело душевное, восстает тело духовное» (1 Коринф. 15: 42—

44). Хоронить покойников в городской черте христиане стали не сразу. Впервые это разрешил император Феодосий I (379—395 гг.), но исключительно под землей. Причем честь быть погребенным при храме, а тем более в храме предоставлялась только некоторым из христиан — святым, государям, епископам, высшему клиру и самым видным мирянам примерной христианской жизни, но уже в Новеллах Юстиниана разрешалось хоронить святых даже над земной поверхностью, то есть в наземных гробницах, которые назывались *ареа*. От IV в. дошли великолепные мраморные рельефные саркофаги, украшенные сценами из Библии, композициями, представлявшими чудеса и страсти Христа, эпизоды из жизни апостолов, парящих ангелов, которые держат венки в виде хрисмы. В V в. они стали более простыми, скромными, а после VI в. вообще перевелись.

Другой разновидностью раннехристианских гробничных сооружений были катакомбы — подземные кимитирии, склепы. Одиночные погребения в могилах-ямах, иногда обложенных камнями, плитами и перекрытых плитами, соседствовали с коллективными погребениями, сначала семейными, в склепах, а затем все чаще в многоярусных общественных кимитириях, случалось, насчитывавших многие сотни хаотично лежавших погребенных. В них многократно проникали, чтобы положить новых покойников, так что захоронения со временем превращались в костницы. Как правило, для этого использовали склепы с одной-двумя или несколькими погребальными камерами либо большие могилы, иногда построенные из тесаных блоков и кирпича-плинфы на известковом растворе и оштукатуренные. Надгробные надписи, сообщавшие имена похороненных в таких склепах членов семей доносили иногда следы семейных склок, как это особенно ярко следует из текста надгробной плиты V в. с византийского кладбища на южном берегу Мраморного моря. Написанная ужасающе безграмотно, она гласила: «Здесь постоянное обиталище Максима и для его жены и детей. Мой зять Евсторгий не имеет к этой могиле никакого отношения: тот ребенок, которого он похоронил здесь, это я сделал ему одолжение». Но для коллективных кимитириев надгробий уже не ставили: имена умерших заносили в поминальные списки, хранившиеся в церквях и монастырях, где по ним проводили поминальные службы.

Несмотря на еще действовавший законодательный запрет Кодекса Юстиниана хоронить в черте городских стен (*intra muros*), к концу VI в. гробницы все чаще стали появляться в городах при храмах или даже в самих храмах, обычно в их притворах. В VIII в. закон и давняя традиция перестали соблюдаться, погребения оказались открыты не только продолжавшие использоваться пространства загородных кладбищ, но и участки внутри городских стен. Если во время начала пандемии чумы 542 г., несмотря на чрезвычай-

ную ситуацию, огромное количество умерших — не менее 200 000 человек, две трети обитателей Константинополя, — их трупами наполнили все внешние кладбища, перекопали район вокруг города, сваливали трупы в башни оборонительных стен, но не стали хоронить внутри города, то во время последней чудовищной вспышки чумы 747 г. сначала наполнили трупами все места погребения внутри города и в пригородах, потом — пустые цистерны и ямы и, наконец, перекопали виноградники и сады внутри стен столицы. К самому концу IX в. василевс Лев VI официально снял давний, потерявший силу запрет на захоронения в пределах городских стен, как под землей, так и над землей, поскольку василевс уже совершенно не понимал его смысл, считая такой закон абсурдным и противоестественным. Действительно, уже задолго до этого небольшие отдельные усыпальницы — кимитирии и кладбища стали появляться при городских церквах и монастырях. В христианском обществе мир мертвых больше не пугал живых.

На третий, девятый, сороковой, а иногда тридцатый день после смерти, а также в годовщину смерти покойного либо в любое желаемое время семья собиралась у могилы, дабы справить службу — панихиду, помянуть усопшего, произнести слова в память о нем, причем записанные речи передавались по кругу, чтобы все могли прочесть их над могилой. У ромеев такие речи зачастую основывались на сюжетах, параллелях из греко-римской мифологии и были наполнены метафорами. Поминальная практика была неотъемлемой категорией византийского погребального обряда и, кроме указанных, предусматривала недельные и годовичные поминовения. После посещения церкви и кладбища родственники покойного раздавали милостыню нищим и устраивали поминальную трапезу, на которую приглашали не только близких, но главным образом нуждающихся, бедных и неимущих. Если поминки приходились на время Великого поста, предшествовавшего Пасхе, то в будни они не совершались, а обычно переносились на ближайшие (вперед) субботу или воскресенье. Поминальную еду полагалось подавать в повседневной, не праздничной посуде, причем выделялись рыбные кушанья, что имело определенную связь с христианской символикой, с зашифрованным в слове «рыба» — ихтиос именем самого Иисуса Христа Бога. Застольная беседа в основном посвящалась поминовению усопшего, добрым воспоминаниям о его делах на земле и была направлена на утешение родных. Заканчивали такую трапезу чтением псалмов и Писания, благодарственной молитвой, пожеланием благополучия и выражением сочувствия родным умершего.

Христианство призывало к аскетическому отношению к погребению. Вместо дорогих и ненужных расходов на него следовали милостыни, молитвы за умершего, приношения в храм. Тем не менее, место погребения

готовилось заранее и даже могло быть украшенным. Для этого существовал специальный штат служащих, справлявших «гробничное дело». Дигесты и новелла Юстиниана от 537 г. сообщают о столичных эргастриях, прикрепленных к Великой церкви (Св. Софии), на средства которых в городе содержали «носильщиков погребальных лож» и погребальных служащих, могильщиков. Поскольку их насчитывалось не менее 950 человек, выходит, что при населении Константинополя около 300—400 тыс. (до пандемии «Юстиниановой» чумы 542 г.) один могильщик приходился на 300—400 жителей. В этом случае такой город, как ранневизантийский крымский Херсон, с его примерно 6—7 тыс. населения, нуждался в услугах примерно 15—23 погребальных служащих, которые тоже могли содержаться за счет отчислений с нескольких десятков эргастриев, обязанных в пользу епископальной церкви — кафоликона Св. Апостолов (Уваровской базилики). Во всяком случае, подобная практика «приписных» эргастриев к Божией церкви, отчисления с которых шли на оплату погребальных служащих, продолжала сохраняться в Империи и в конце IX в., как о том повествует новелла Льва VI, адресованная Патриарху Стефану (886—893 гг.). Кроме того, кладбища обслуживали и монастыри, которые предоставляли средства трудившимся там монахам или монахиням. К примеру, в начале XII в. за кладбищем при монастыре Ирины Дукени, супруги василевса Алексея Комнина, присматривали четыре монахини, каждая из которых ежегодно получала 18 морских модиев зерна (ок. 280 кг), 12 мер вина (ок. 166 л), 15 фунтов сыра (ок. 5 кг), один модий бобов (ок. 7 кг) и деньги на одежду и необходимые расходы. Для сравнения: на том же кладбище служил священник, получавший ежегодно две меры масла (26 л) и 12 морских модиев зерна (ок. 190 кг).

Византийские письменные источники VI—XII вв. донесли сведения об определенной иерархии служащих, занятых в погребальной церемонии. К их вершине, похоже, относились носильщики погребальных лож (лектикарии, экомисты) и погребальные служащие (копиаты, энтафиасты). Далее следовали аскитры — носильщики восковых свечей, которые полагалось получать безвозмездно из так называемого аскитириона епископальной церкви; каноники, очевидно, канторы, певчие в погребальной процессии и ее участники; аколумы — «сопровождающие», окружение и сопроводители погребального ложа, а также деканы — могильщики, которым, впрочем, трудно найти определенное место в этой «классификации». Судя по письмам Феодора Студита, такие лица могли объединяться в соответствующую духовную корпорацию (систиму), члены которой выполняли все необходимое для похорон, начиная от обмывания тела усопшего и кончая устройством могилы.

Вообще, трудно представить, чтобы строительные потребности кладбищ ромеев, плотно окружавших любой город и размещавшихся в нем самом, были когда-либо оставлены без внимания и навыков профессионалов. Ведь обслуживание погребальных нужд приносило неплохой доход, а «гробокапатели» из числа клириков, согласно Кодексу Феодосия, имели налоговые льготы. Устройство самой дешевой могилы на ранневизантийском провинциальном кладбище стоила 1,5 солида, — столько же, сколько в начале VIII в. зарабатывал калафат — конопатчик судов за месяц труда. Но были и дороже, до 6—8 номисм и выше, так что порой гробница и погребение обходились в литру золота (72 солида) или даже больше. Разумеется, умерший бедняк обходился без погребальной процессии (эккомиксесфы) и полного ритуала погребения (энфатесфы), на что с печалью сетовал в одном из своих писем Феодор Студит. Но состоятельные заказчики даже могилу на кладбище стремились оплатить заранее, приготовив ее загодя.

Погребения могли быть индивидуальными, в одиночных могилах, выкопанных в земле или вырубленных в скале, глинистом известняке — мергеле, и коллективными, в склепах-гробницах с подземной квадратной, прямоугольной или трапециевидной камерой с плоским или сводчатым потолком, вход в которую вел через короткий, узкий коридор-дромос и закрывался установленной в пазы массивной, тяжелой закладной плитой. В редких случаях это была такая же небольшая деревянная дверь, соответствовавшая размерами входному отверстию в склеп. В ранних склепах IV — первой половины V вв. стены погребальных камер украшали рельефами, а чаще — живописными фресками на христианские райские сюжеты, символы (павлины — символы Воскресения, голуби — символы Св. Духа, куропатки, чаша для Причастия, виноградная лоза, деревья, плоды, цветы, горящие свечи, имитация мраморной облицовки, лавровых гирлянд, хрисма в венке, иногда с буквами альфа и омега, обозначавшими Бога). Но уже к VI в. подобный декор в гробницах как таковой исчезает и заменяется выбитыми, нарисованными краской или процарапанными на стенах изображениями креста — символа бессмертия, торжественного знака победы над смертью, веры в Воскресение, в Царствие Небесное. Иногда с крестами соседствовали надписи с именами умерших, цитатами из псалмов, молитвенные воззвания («Господи, помилуй нас и воскреси нас, спящих здесь в правой вере») или епитафии с просьбой к Иисусу Христу в день суда не вспомнить грехи и помиловать. Такие изображения устанавливали с точки зрения ромеев зону защиты, непреодолимую для демонов.

В могилу тело покойника опускали, условно ориентируя его по линии запад-восток, очевидно, с той же мыслью, с какой молились на восток, — в ожидании Второго Пришествия Христа и в знак того, что умерший идет

от запада жизни к востоку Вечности. При этом еще раз совершали литию об усопшем. По окончании ее священник крестовидно бросал поверх умершего щепоть земли, согласно библейскому Божественному определению: «Земля еси — и в землю отыдеши» (Быт. 3: 9).

Погребенных клали одетыми или в саванах, реже — в деревянные гробы из тиса, дуба, сосны, бука. Их доски сколачивали гвоздями или скрепляли шипами, в «ус», а крышки были двускатные или плоские. Встречались гробы — колоды выдолбленные из цельного дерева, но для особо почитаемых покойных иногда делали прямоугольные саркофаги из камня или свинца с плоскими или двускатными крышками и изображениями на стенках крестов, хрисм, пальмовых ветвей, венков. В подземных склепах покойников клали в ниши-лежанки, локулы, устроенные в стенах, а после заполнения последних — на пол, не соблюдая определенной ориентировки. Как правило, они лежали головой ко входу, на спине с руками вытянутыми вдоль туловища или скрещенными на груди, на тазе. Иногда в склепах или могилах, со временем ставших служить для коллективных погребений, их хаотично укладывали один на одного, слоями, так что в погребениях накапливалось порой до несколько сотен и более костяков.

После V в. вещей, погребального инвентаря, особенно в виде посуды, горшков, блюд со штампованными на них крестами, кувшинчиков, миниатюрных стеклянных бальзамариев в гробницах стало все меньше, но, примечательно, такой инвентарь не исчез полностью. К примеру, известны бутылковидные лекифы для масла с изображением лика святого, мученика, выполненного черной и красной красками. Но особенно часто во время раскопок в руки археологов попадает простая бижутерия (бронзовые серьги, кольца, перстни), а также пряжки и пуговицы от одежды и обуви, в которой хоронили покойных. Разумеется, встречались и более богатые могилы, к примеру, девушек-девственниц, так называемых парфен, которым по христианскому обычаю полагалось кроме льняного саваня облачать в мафорий — покрывало на голову и другую одежду и украшения, ибо в день Воскресения они должны были предстать как невесты Христовы. Во всяком случае, людей, занимавших высокие гражданские и церковные должности, после смерти облекали в одежды, соответствующие их званию, покрывали драгоценными тканями, клали с ними богато оформленные Евангелия. Недаром, невзирая на проклятия со стороны Церкви, имели случаи томборихии — осквернения гробниц с целью грабежа. Григорий Назианзин (Богослов) даже посвятил «подлым гробоворам» отдельную поэтическую эпиграмму, в которой осуждал жадность людей, оскверняющих прах могил — «последний приют умершего», и считал, что уж лучше святое дело похорон доверить псам. Мародеров не останавливало осо-

знание тяжкой греховности такого святотатственного преступления и полагавшихся за него каторжных работ в каменоломне или отсечения руки, а в особо тяжких, кощунственных случаях, сожжения заживо. Правда, гораздо более мягкая новелла Льва VI Мудрого угрожала «гробокопателям-рецидивистам» наказанием плетьюми (типто) и позорным обритием головы, но заметного влияния на византийское законодательство она не оказала. В одном из Житий назидательно повествуется как грабитель откопал гроб и начал снимать с похороненной девушки саваний, потом мафорий и наконец, обнажая мертвую, офони — полотняное покрывало, в которое было окутано тело покойной, но девушка вдруг встала и дала грабителю пощечину, которая навсегда обрекла мерзавца на слепоту. Следовательно, в отдельных могилах было чем поживиться и кое-кто не гнушался столь позорного промысла.

Но в целом это было гораздо более бедное кладбище, — бедное в силу нового мировоззрения, ментальных христианских установок, а не худого экономического положения общества. На эту же сторону указывают христианские «молчащие могилы», то есть небольшие простые надгробные каменные памятники с высеченными на них крестами или в виде крестов с расширяющимися концами, далеко не всегда даже с именами умерших. Они ассоциировались с крестом Голгофы — крестом распятого Христа и с V в. сменили прежние античные погребальные стелы с фигурными рельефами, сопровождаемые горестными словами или напутственными пожеланиями родственников. Последние многочисленные надгробные надписи с упоминанием профессии умершего и датой его смерти (день, месяц, индикт) встречаются в IV—V вв. в южномалоазийском портовом городе Корики (Киликия) и в другом большом восточном порте — Тире. В Константинополе самая поздняя из датированных эпитафий — надгробных слов для рядовых граждан относится к 610 г. Позже они почти полностью исчезают: для коллективных погребений в склепах их использование потеряло смысл. Память обычных людей перестали увековечивать в надписи на камне (кроме отдельных случаев нанесения граффити), их погребали в могилах, если так можно выразиться, без опознавательных знаков. Поминальные списки, как уже сказано, хранили в церквях. Кроме того, на их стены иногда наносили граффити-некрологи, особенно местных клириков, как это видно с конца VII в. на колонах и стенах афинских Парфенона, Пропилей, Эрехтейона, Гефестина, служивших местом устройства монастырей.

Правда, среди византийской знати, могилы которой нередко сооружали в семейных монастырях, с XI в. начала распространяться, а с конца XIII в. стала довольно обычной практика изготовления надгробий, иногда с длин-

ными, случалось, стихотворными эпитафиями-эпиграммами с неизменным, настойчивым упоминанием благородных предков покойного и званий, санов, которые он носил, даже геральдических знаков в виде льва, креста, пояса, перевязи и прочего. Последнее объясняется крепнущим франко-италийским влиянием. К примеру, знатная вдова Мария Дукеня Комнина Бранена Палеологиня, чье имя само по себе говорит о ее знатности, в начале XIV в. приняла постриг под именем Марфа и выстроила для своего именитого покойного мужа гробничный парекклесий при столичном монастыре Паммакаристос, на фасаде которого выложена надпись: «Михаил Дука Глава Тарханиот протостратор и ктитор», а ниже пространная витиеватая эпиграмма: «Ты гнушался земными чертогами, бежал от жизни в бедном плаще. Ты пошел войной на сатрапов чувственного мира, перешел в мощное Божье укрепление. Я устраиваю для тебя могилу, словно багрянцу, или раковину, или чашечку для украшенного шипами цветка. О моя жемчужина, порфира, чужеземная роза. Пусть даже ты, срезанный, завален камнями, дабы вызвать во мне потоки слез, сам ты жив и видишь Бога живого, как ум, освободившийся от страстей, сопутствующих материи, опять приготовь для меня свой чертог. Это пишет тебе твоя прежняя жена Марфа». Но и такие помпезные эпитафии — «печальные песни» — были адресованы ограниченному кругу лиц, как и портретные фресковые изображения на стенах поздних церквей и парекклесиев. Примечательно, что эти портреты иногда изображали вельможного заказчика или заказчицу погребения в монастыре до принятия пострига и после, когда они умирали для мира и получали новое имя в знак своего «нового рождения» для Царствия Небесного. Главное — Господь Бог и без того знал имена, дела и помыслы своих умерших чад, которые представляли перед Ним.

Согласно византийскому гражданскому праву, под закон о томборихии подпадали те, кто переносил останки, кости, мощи «без царского или епископского повеления или без начальственного решения». Иоанн Христом возмущался по этому поводу: «Что может быть нечестивее, чем приказ: вырывайте кости, переносите трупы! Эти чуждые правила вводит демон гробокопательства! Слышанное ли дело — перетаскивать мертвых? Виданное ли — переносить тела?». Гробокопательство строго запрещалось, хотя освидетельствование останков мучеников и перенесение святых мощей поневоле было сопряжено с выкапыванием их из могил или извлечением из гробниц.

Кроме того, у монахов существовал особый обряд погребения, со временем получивший название афонского обряда. Он заключался в том, что через три года после смерти по благословению настоятеля гробокопатель извлекал кости умершего инока из гробницы. Под пение малой панихи-

ды их омывали освященным церковным вином или родостамой — смесью воды и вина, и монахи по виду и цвету костей разгадывали судьбу почившего. Если тело умершего оказывалось не истлевшим, тогда это считалось признаком греховности, отсутствия святости, и на всю братию налагался особый канон за не прощенные грехи почившего, а духовник или архиерей читал над останками разрешительную молитву. Затем труп опять зарывали в могилу и через несколько дней вновь проверяли его. Если плоть исчезала с костей, их помещали в монастырское костехранилище — липсанотеку.

Вообще, вопрос о сохранности покойника был не прост и порождал порой недоумения, двойные истолкования. Если останки были сухими и тем более источали приятный запах или миро, то это служило серьезным основанием для признания усопшего святым. Если же, напротив, они были зловонными, почерневшими, вздутыми, то это означало крайнюю степень греховности, и, скорее всего, служило признаком того, что человек был отлучен от Церкви и предан анафеме. Но для светских лиц подобная «экспертиза» не практиковалась. Афонский обряд даже среди монахов использовался сравнительно редко, да и захоронения мирян на территории любого монастыря совершались только с разрешения епископа и были скорее исключением, чем правилом. Недаром считается, что одной из причин бурного распространения византийских монастырей в XI—XII вв. стало стремление вступающих в них иноков быть похороненными на монастырском кладбище.

Средняя продолжительность жизни византийцев была невелика, что вообще было обычно для античного и средневекового обществ. Старость тогда начиналась очень рано, в том возрасте, который мы сегодня называем зрелым. Весьма пожилым считался уже 50—60-летний, а 70-летний — очень старым. Попытки систематизировать сроки продолжительности жизни известных лиц на основании письменных источников дают весьма разнообразные результаты. Похоже, «долгожителями» являлись отдельные василевсы, ученые, писатели и монахи, конечно, если их жизнь не обрывалась насильственно, от мечей заговорщиков или раны в бою. К примеру, император Маркиан имел больные ноги, от воспаления которых случилось «гниение» (гангрена), вследствие которой, проболев пять месяцев, он скончался в возрасте 65 лет. Лев I умер от дизентерии в возрасте 73 лет, а Зинон скончался по той же причине в 60-летнем возрасте. Прославившийся своей феноменальной бережливостью и удачной финансовой политикой император Анастасий I Дикор умер в 518 г. на 91-м году жизни, процарствовав 27 лет и три месяца. Рассказывают, что он не перенес испуга от яркой вспышки молнии и страшного удара грома. Император Юстин I умер в почтенном возрасте 75 лет по причине язвы, открывшейся на ноге или

голове от давней военной раны стрелой. Юстин II, сын сестры Юстиниана Великого, был болен хронической подагрой, а к концу жизни проявлял признаки помешательства (рассказывают, что он ездил по дворцу на детской тележке) и вдобавок настолько нестерпимо страдал задержкой мочи, что согласился на ампутацию гениталий. Однако операция не спасла его. По словам Михаила Сирийца, «весь его живот сгнил, он претерпел ужасные боли и затем умер», впрочем, видимо, в достаточно преклонном возрасте. Его молодой преемник, император Тиверий, умер от банальной дизентерии, успев процарствовать всего четыре года. Сменивший его Маврикий был казнен по приказу узурпатора Фоки в почтенном возрасте 63 лет. Ираклий I, покоритель Персии и неудачник в войне с арабами, умер от водянки в 66 летнем возрасте. Примерно в том возрасте скончался основатель Исаврийской династии, иконоборец Лев III. Его сын, Константин V, не крепкий здоровьем, умер в 57 лет, заболев в военном походе. В таком же походе заразился сильнейшим кишечным расстройством василевс-иконоборец Феофил, через несколько лет умерший в возрасте около 30 лет. Лев VI Мудрый, яркий представитель Македонской династии, скончался тоже от болезни желудка в возрасте 46 лет. Другой император-ученый, Константин VII Багрянородный, тоже не стал долгожителем, умерев то ли от болезни, то ли от яда в 54 года. Его сын, Роман II, подорвав свою жизнь излишествами, прожил всего 24 года. Император-солдат Иоанн Цимисхий, умер в 51 год, хотя причиной смерти могла стать не заразная болезнь, подхваченная во время военного похода на Восток, а отравка. Знаменитый Василий II Болгаробойца протянул до 67 лет. Константин IX Мономах умер в возрасте 55 лет, став законченным инвалидом от подагры. Основателя династии Комнинов, Алексея I в возрасте около 70 лет сгубили тяжелые болезни, поразившие его ноги и сердце. Основатель последней династии византийских императоров, Михаил VIII Палеолог, дожил всего до 58 лет. Зато отрекшийся от престола в 1354 г. 58-летний Иоанн Кантакузин дожил до 88 лет, проведя остаток жизни в монастырях Константинополя, Афона и Пелопоннеса.

Подсчитано, что средний возраст представителей Македонской династии достигал 59 лет, Комнинов — 61 год, Палеологов — 57; палеологовских интеллектуалов — 67,3 года, отшельников, аскетов, святых — 80 и более лет. К примеру, известный праведник, нищелюбивый простец Филарет Милостивый, ставший родственником царской семьи благодаря браку его внучки с василевсом Константином VI, как утверждает его Житие, «прожил 90 лет, не потеряв ни зубов, ни зрения, ни слуха, но сохранив приятный цвет лица, подобно яблоку или розе». Вообще, в Византии к старости относились не как к слабости и дряхлости, а как к мудрости и умению понимать.

Но в обычных семьях смерть уносила многих людей в молодом возрасте (20—40 лет), в наиболее продуктивный период жизни. Из женщин 71 % ромеев умирал, не достигнув возраста 45 лет, и 74 % мужчин не добиралось до 50-летия. Очень немногие переживали 70-летие. Так называемый очаг-коэффициент для этих групп населения установлен в пределах от 3 до 4,5, что ниже аналогичного показателя — 4—5, использовавшегося при расчетах для феодальной, полунищей западной Европы, где дожить до 35 лет было счастьем. По этой же причине византийское общество, как и любое средневековое, оставалось достаточно молодым. Если учесть и мужские, и женские показатели, средняя продолжительность жизни с нашей точки зрения оказывалась мизерной — 22—23 года. Причем, если сравнить данные о продолжительности жизни поздневизантийского населения с более ранними, значимых изменений не обнаружить. Сведения периода поздней античности, основанные на исследовании останков скелетов, свидетельствуют, что средний возраст человека в момент смерти составлял 36,5 лет, — 40—45 лет для мужчин и 30—35 лет для женщин. Более обширный ряд данных, собранный на основе надгробных надписей, свидетельствует, что более половины смертей населения происходило в возрасте от 25 до 34 для женщин и от 35 до 44 для мужчин, тогда как оставшиеся умирали в возрасте от 45 до 54 лет (женщины) и от 55 до 64 лет (мужчины). Аналогичные результаты получены при исследованиях более поздних периодов: Коринф 1050—1300 гг. — 34,8 года; Афины и Беотия, 600—1400 гг. — 35,7 лет, причем продолжительность жизни мужчин была в среднем на 6,6 лет больше женской; погребения церкви Св. Полиевкт в Константинополе XII в. — 28,9 лет; гробницы Календерхан Ками в Константинополе — 37,3 лет женщины и 46,2 года мужчины. В греческом Эпире XIII в. почти 30 % вступало в новый брак, а рождаемость составляла 1,6 ребенка.

В мире, который не знал антибиотиков, особенно велика была естественная детская смертность. Например, в крымском Херсоне в XII—XIII вв. доля умерших детей составляла более 56 %, в Коринфе начала XIV в. — более 40 % малышей, то есть тоже почти половина не достигала совершеннолетия. В одной деревне в Македонии в 1300 г. родилось 32 ребенка, однако восемь из них умерли уже в течение года, еще восемь — в течение последующих пяти лет. Большинство детей уходило из жизни в возрасте до пяти лет, причем значительный процент в этой группе составляли дети до года. Именно поэтому при достаточно высоком уровне рождаемости — примерно 22 человека на 100, число детей, достигших взрослого возраста, не превышало двоих на семью. Григорий Назианзин вспоминал, что в его семье до смерти матери дожил лишь один сын. Михаил Пселл рассказывал

в своих мемуарах, что он был третьим ребенком, его старшая сестра умерла молодой, а ее единственная дочь скончалась от оспы в 14 лет.

Детей часто хоронили в неглубоких могилах, а иногда располагали в разных направлениях между костями взрослых. Случалось, около городских храмов или на загородном кладбище устраивали участки исключительно с детскими погребениями. Такие детские кладбища, видимо, особенно часто росли во время эпидемий, массами косивших детишек. Но иногда внутриутробные плоды или новорожденных не хоронили вообще, точнее, хоронили в полу жилых помещений, очевидно, полагая, что не крещенные, они не имеют ни моральной, ни личной, ни духовной идентичности и нужно еще молить Господа окрестить их и спасти. Столь частые утраты не могли не привести к огрублению их восприятия: даже скорбь может стать привычной, если она приходит слишком часто.

Смерть ромеи старались встретить в кругу семьи, родных, перед этим искренне исповедаться в грехах священнику, духовному отцу, прочитать святой Символ веры, помолиться Всевышнему и принять Святое Причастие. Тогда душа умершего получала шанс преодолеть ожидавшиеся по смерти мытарства и пройти сквозь Небесные врата внутрь Неба. В Житии преподобной Феодоры Константинопольской (умерла в 940 г.) его составитель Григорий, ученик прославленного Василия Нового, описал сон, во время которого он встретился с умершей на том свете в саду Небесной обители и она поведала ему, как злые духи — истязатели испытывали ее на пути к Престолу Божьему, обвиняя на протяжении многочисленных мытарств в празднословии, сквернословии, лжи, клевете, обжорстве, пьянстве, воровстве, сребролюбии, скупости, лихоимстве, неправде, тщеславии, зависти, гордости, гневе, злопамятстве, разбойничестве, прелюбодеянии, противоестественных блудных грехах, идолослужении, жестокосердии именно потому, что она не исповедалась чистосердечно перед смертью.

Одиноким, не на глазах переход в мир иной пугал, казался позорным. Чувствуя приближение конца, некоторые шли на монашеский постриг, брали монашеское имя и просили хоронить себя в одеянии инока или инокини. Упомянутый выше старец Филарет Милостивый, святой праведник VIII в., умирая, заранее оплатил пустой саркофаг для себя на кладбище столичного монастыря Криси, собрал своих детей и внуков, поговорил и попрощался с каждым из них, особенно внуком Никитой, которому завещал «рассказать все, что с нами случилось, для памяти будущих поколений». За определенную плату с разрешения епископа и игумена действительно можно было купить себе место захоронения при монастыре. К примеру, в завещании известного историка второй половины XI в. Михаила Аталиата значилось: «Восемь номисм даю клирикам Св. Георгия Кипарисского,

чтобы мне выделена была особая гробница, которую я оставляю и своим потомкам».

Иногда в обитель помещали перед смертью, как это было в X в. с византийским военачальником Вааном, сыном Св. Марии Новой, который приехал в Константинополь лечиться от желудочного заболевания, но, видя, что дело плохо, постригся в монахи и вскоре умер. То же случилось с Константином IX Мономахом, когда его здоровье стало быстро сдавать, или с умиравшим от подагры, инфаркта и сердечной недостаточности Алексеем I Комнином. И тот и другой были доставлены в палаты монастыря Мангана, где за ними мог быть уход. Эта обитель Св. Георгия Манганского являлась одним из самых роскошных сакральных сооружений, которые когда-либо видел Константинополь. Современник Михаил Пселл восторженно писал, что луга в ограде было «не объять ни взором, ни мыслью», а само «здание все было украшено золотыми звездами, словно небесный свод... Там были фонтаны, наполнявшие водоемы; сады, некоторые из них — висячие, другие отлого спускались, переходя в горизонтальную плоскость, и купальня, настолько красивая, что не поддается никакому описанию». К слову, в этой купальне-бассейне, спасаясь от жестоких постоянных болей, Константин Мономах получил воспаление легких, которое окончательно и свело его в могилу, заранее устроенную в этом же монастыре, на строительство которого он истратил огромное количество золота. Уже после смерти 11 декабря 1282 г. в соседнюю фракийскую обитель ночью было перенесено тело умершего от тяжелой болезни в своем походном шатре, во время военного похода василевса Михаила VIII Палеолога, к ложу которого его сын, Андроник, успел пригласить пресвитера со Святыми Дарами для последнего Причастия.

Но не всем удавалось умереть столь возвышенно и тем более среди красот. Мир мертвых, как и мир живых, не был единым. Преступников, самоубийц, чужестранцев, безвестных странников хоронили отдельно. Даже Св. Стефан Новый, бесприютный скиталец, умер в VI в. в захудалом придорожном птохионе — нищеприимном доме и был похоронен в простой общей могиле — коллективном кимитирии.

Случаи суицида в Византии были в целом редки: останавливало христианское сознание большой греховности этого рокового шага перед Богом, который заповедовал терпеть до конца любые, самые страшные невзгоды. Именно поэтому изувеченная болезнью Евдокия, старшая дочь беспутного василевса Константина VIII (963—1028 гг.), брата Василия Болгаробойцы, не решилась наложить на себя руки и ушла в монастырь Липс, где, умерев для мира, закончила свои дни монахиней. Но иногда доведенные до предела нервы не выдерживали, особенно в случае поражения в политической борьбе, в ожидании ареста по тяжкому обвинению, неотвратимого сурово-

го наказания по закону или стремления скрыть имена других соучастников преступления. Тогда в ход шел яд, принятый тайком, ночью, или смертельный прыжок в море с корабля или из окна, как это случилось в 1031 г. с замешанным в заговоре патрикием Константином Диогеном, когда его привели на допрос во Влахернский дворец. Одинокая, безвестная могила или даже свалка за городом становились местом, которое принимало прах такого страдальца.

Впрочем, на закате Византии оригинальный во всем Георгий Гемист Плифон создал некую философскую идеологию оправдания «добровольной смерти», отметив, что такое стремление присуще лишь человеку и напроочь отсутствует у животных, и значит для души людской суицид не губелен, раз она «склоняется к мысли, что жизнь в единстве с телом не может ей больше быть на пользу».

Похороны императора, если только он не был свергнут заговорщиками, превращались в значительную церемонию. Во время ее тело усопшего представляли со всеми регалиями царской власти в Зале 19 акувитов Большого дворца. К примеру, тело прославленного Константина Великого, умершего на Троицу 22 мая 337 г. три с половиной месяца, пока наследник не занял трон, оставалось выставленным в главном дворцовом зале на высоком помосте в золотом гробе, задрапированном пурпурной тканью, и все это время продолжал проводиться дворцовый церемониал в честь и во имя императора. Духовенство Великой церкви устраивало длительное похоронное бдение при свете свечей, пели поминальные молитвы, псалмы. В целом, это производило довольно тягостное впечатление. После троекратного возгласа «Иди, император, зовет тебя Царь царствующих и Господь господствующих!», императорская охрана переносила тело в дворцовый вестибюль Халки. Оттуда его в сопровождении вооруженных солдат несли к месту последнего покоя, в одну из церквей, как правило, в любимый монастырь или храм почившего царя, нередко основанный им, который становился мавзолеем. Когда погребальная процессия достигала гробницы, распорядитель вновь трижды возглашал: «Входи, император, зовет тебя Царь царствующих и Господь господствующих!». Потом он выкрикивал: «Сними венец с главы твоей!». С этими словами с головы умершего снимали драгоценную стемму и взамен ее возлагали пурпурную ленту-повязку. После чего с пением «Святыи Боже» саркофаг, гроб закрывали и на этом завершали погребение. Впрочем, изредка бывали случаи последующей канонизации таких великих умерших, то есть приобщения их с помощью Церкви в загробном Божьем царстве к лику святых.

По тому же ритуалу хоронили императриц, других членов августейшей семьи и даже похороны малолетней византийской принцессы собирали

огромное число народа, желавшего с ней попрощаться. Богослов Григорий Нисский говорил в своей проповеди на смерть Пульхерии, дочери императора Феодосия I, для которой сделали небольшой, в соответствии с телом ребенка, но роскошный мраморный саркофаг с двумя ангелами непередаваемой красоты: «Я вижу человеческое море, простирающееся сколько хватает глаз, людьми переполнен храм, церковный двор, близлежащая площадь, улицы, перекрестки, Меси, боковые переулки. Все хотят взглянуть на этот священный цветок, лежащий на золотом ложе».

В руках крупных чиновников, управлявших страной, порой скапливались огромные богатства. Поэтому вельможи могли строить для себя церкви или гробничные парекклесии, которые должны были служить мавзолеями. Прекрасный пример такой постройки, вошедшей в сокровищницу поздневизантийского искусства, является идеально гармоничная небольшая константинопольская церковь Христа Спасителя в монастыре Хора, восстановленная в 1315—1321 гг. великим логофетом василевса Андроника III, прославленным философом, писателем и выдающимся ученым-энциклопедистом Феодором Метохитом. На любимое детище он потратил значительную часть своего состояния, украсив изысканной настенной мозаикой, фресками с многочисленными изображениями всевозможных святых и мраморными панелями, в которых изумительно играет цвет и свет. В наши дни это сокровище византийского искусства эпохи Палеологов является одной из самых красивых достопримечательностей Стамбула и называется Кахрие Джами. Впавший в немилость после свержения василевса Андроника II в 1328 г., потерявший все, несчастный Метохит, на которого взвалили все прегрешения его повелителя, а богатый дом сожгли, в итоге закончил свою жизнь монахом отстроенного им монастыря, приняв схиму под именем Феофлет. К слову, в крипте под полом этого храма похоронены знаменитые святые защитники икон IX в. Могилы устроены и в стенах нартекса и экзонартекса церкви, а также под полом и в нишах парекклесии Хора, где они часто сопровождаются портретными изображениями похороненных здесь высокородных могущественных вельмож и лиц царских кровей первой половины XIV в.

Многие преждевременные смерти были вызваны последствиями эпидемий инфекционных болезней, ставших привычным явлением. Устраиваемые ими «чистки» населения приводили к опустошению сел и особенно городов. В таких случаях болезнь действительно ходила из дома в дом, неся массовое заражение и летальный исход. Так, наиболее зловещая пандемия, вошедшая в историю под названием «Юстинианова» чума, с 541 до 749 г. проносилась по Средиземноморью около 18 раз, то есть в среднем раз в 12 лет, сократив численность населения Византийской им-

перии с 24—28 млн. жителей (20 человек на кв. км) в начале VI в. до 7—13 млн. (9 жителей на кв. км) в VIII в. Лишь с IX в. начался демографический рост, уже в X в. прослеживаемый в нехватке продовольствия, борьбе знати за землю. К 1025 г. империя вновь имела около 20 млн. населения (20 человек на кв. км) и в дальнейшем прирост не уменьшался, хотя число жителей государства падало из-за хронических территориальных потерь и миграций. К 1280 г. площадь страны равнялась приблизительно четверти того, что она занимала к 1025 г. — около 350 тыс. кв. км, и насчитывала от 3 до 5,5 млн. населения. Новый удар нанесла вторая пандемия — «смертница»-чума, патетически описанная Иоанном Кантакузином в его мемуарах: она истребила в памятном трагическом 1348 г. треть населения Константинополя. Ромеи, потеряв иммунитет, выработанный к середине VIII в. против исключительно заразной палочки Йерсена, как и прежде, оказались недостаточно вооружены, чтобы бороться с этим бедствием. Впрочем, как и латины. «Черная смерть», явившаяся весной 1348 г., за два года унесла на Западе около 20 млн. жизней, больше половины населения и резко усилила демографический кризис. Не намного лучше было в Византии, которая столкнулась с этой катастрофой на год раньше и потеряла не менее трети населения. В итоге до ее завоевания османами в 1453 г. она перенесла около 11 волн инфекции, осложнявших и без того критическую демографическую ситуацию в империи. Есть основания полагать, что в Македонии, одной из областей с наибольшим количеством сохранившихся поздневизантийских письменных источников, чума стала одной из основных причин опустошения сельских поселений. По крайней мере, Греция второй половины XIV в. характеризовалась наибольшим числом опустевших деревень за весь период вплоть до XIX в. Демографический кризис, вызванный первыми волнами чумы, очевидно, стимулировал массовую миграцию албанцев на Пелопоннес.

Однако не стоит преувеличивать степень фатальности таких переломных границ смерти, как это иногда делается византинистами. Ромейские писатели Прокопий Кесарийский, Евагрий Схоластик, Иоанн Эфесский, Михаил Пселл и Анна Комнина освещали некоторые патологические изменения в деталях, то есть лично их наблюдали и, значит, были близки к умиравшим. Врачи работали в самой гуще больных; люди, рывшие могилы и хоронившие мертвых, далеко не всегда подвергались заражению. Джордж Бейкер верно заметил по этому поводу: «Самым тревожным и деморализующим свойством чумы была ее очевидная иррациональность. Медицинская наука тех времен, а она была далеко не так плоха, как нам представляется, была поставлена в тупик. Нельзя было положиться ни на один из тогдашних методов лечения; все предсказания относительно эпи-

демии оказывались ложными. Врачи были не в состоянии отнести чуму ни к одному известному роду болезней. Попытки понять причину и природу болезни казались бесплодными. Очевидным представлялось только одно. Если бубон на теле нагнаивался и вскрывался, то больной выздоравливал. Но этот процесс нельзя было ни ускорить, ни контролировать. Ничто в этой болезни не поддавалось воздействию. Все, что можно было сделать — положить на веру, здравый смысл и ждать, когда напасть минует, если ей суждено было миновать».

Прокопий описывал бубоны чумы в паху, под мышками или около ушей зараженных, некие «черные прыщи величиной с чечевицу», неожиданно открывавшиеся кровотечения, бред, отмечая, что некоторые «умирали тотчас же, другие много дней спустя». Церковный историк Евагрий Схоластик и сам император Юстинина I заболели во время первой же вспышки одной из самых страшных за всю историю Византии эпидемии бубонной чумы летом 542 г., у Евагрия даже обнаружилась опухоль в паху, но он, как и император, несколько недель находившийся между жизнью и смертью, выжил. Евагрий констатировал по этому поводу свои наблюдения: «...одни умирали лишь от того, что или общались, или жили вместе [с больными], другие же — только прикоснувшись [к ним], третьи — оставшись [у них] дома, четвертые — [встретившись с ними] на агоре, а некоторые, убежав из пораженных [чумой] городов, избежали ее, передав болезнь здоровым. Иных же она вообще не затронула, хотя они жили вместе со многими заболевшими и прикасались не только к больным, но даже к умершим; а другие, страстно желавшие умереть из-за полной гибели детей и домов своих и ради этого пребывавшие вместе с больными, оставались, однако, невредимыми, словно недуг состязался с их намерением». В 1143 г., роковым для василевса Исаака Комнина, его третий сын, Исаак, в больном состоянии был отправлен отцом в Константинополь сопровождать тела двух своих старших братьев, Алексея и Андроника, скоропостижно скончавшихся от острого инфекционного заболевания, «скоротечной горячки», но все же выжил. Принцесса Мария Палеологиня, незаконная дочь Михаила VIII Палеолога и сестра Андроника II, принявшая постриг по имени Меланья, вымолила себе перед иконой Богородицы в церкви Хора исцеление от смертельно опасной женской кровоточивости. Бог и случай щадил одних и уносил на тот свет других. Так или иначе, люди свыкались с неизбежным, демонстрируя удивительную способность к выживанию. Не стоит преувеличивать и низкий уровень гигиены, жалкое санитарное состояние византийских городов, не столь плохие в сравнении с городами средневековой цивилизации Запада. Ромеи не пренебрегали потребностью мыться, стричься, менять одежду.

В целом, случаи смерти были разнообразны, но одинаково отмечали жизнь ощущением постоянной ненадежности, нестабильности. Беднякам случалось умирать с голоду, вызванного неурожаем, стихийным бедствием, многомесячной вражеской осадой города или от постоянного недоедания. Представители знати, включая императоров, могли найти свой конец во время приступа эпилепсии, после пира, от неумеренного обжорства, объевшись острой, жирной пищи, напившись плохой сырой воды, погибнуть во время охоты, от отравленной стрелы или от меча наемного убийцы, быть растерзанными своей собственной стражей, неудачно упасть с лошади во время прогулки верхом, разбиться на площадке циканистирия во время игры в поло, даже отравится угарным газом или утонуть в ванне, горожане — во время работы, например, задавленные сорвавшимся грузом в порту или рухнувшими строительными лесами. Случайные убийства происходили иногда во время состязания сельских лучников, когда стрела отца попадала в маленького сына.

Бывало, во время осад городов их жители от жуткого голода шли на людоедство, которое могло быть массовым, как это случилось в 503/504 г. в запертой персами Амиде. То же описывает происходящим в осажденных турками западномалоазийских Тралах Георгий Пахимер: если с голодом еще можно было бороться, поедая трупы павшего скота и мертвые человеческие тела, то жажда косила людей толпами, заставляла резать жили у лошадей и пить их кровь, предпочитать быть заколотым врагами, чем терпеть муки. Вообще, в районах военных действий смерть могла принять неожиданные личины. Так, в терзаемой ромейскими и персидскими войсками Месопотамии привыкшие питаться трупами убитых дикие звери нападали на одиноких людей, особенно на дорогах, а случалось, заходили в деревни и хватали детей.

Несчастные случаи настигали порой и дома. Так, еврей Евпрас, глава священников Антиохии, «упал в котел с кипящим воском и умер». Даже святым случалось погибать роковым образом, как например, знаменитому подвижнику X в., монаху Афанасию Афонскому, верному другу василевса Никифора Фоки, во время перестройки церкви. Хосарии-разбойники, грабители на дорогах и тропах тоже несли смерть, хотя вообще об убийствах в городах нет известий, если не считать умерщвлений некоторых императоров заговорщиками и массовых расправ с мятежниками во время восстаний (Ника в 532 г. в Константинополе или зилотов в Фессалонике в 1340-е гг.).

Случалось, женщины становилась объектом насилия помутившегося разумом маньяка. Так, в Великом Патерике рассказывается как в Скиту один пастух напал на работавшую в поле беременную женщину и вспорол

ей живот, «...желая посмотреть как плод лежит в ее чреве». Всю оставшуюся жизнь он замаливал в монастыре случившееся и, самое примечательное, по словам источника, Бог простил ему этот чудовищный грех, который по человечески простить невозможно.

Немало гибло во время пожаров, которые охватывали весь город, другие оставались погребенными под развалинами во время землетрясений. Легенда рассказывает о ребенке, подброшенном силой подземного толчка 25 сентября 437 г. так высоко, что он якобы улетел на небо, где успел услышать пение ангельской молитвы, а рухнув назем, прежде чем умереть, сумел передать услышанное Патриарху, который повелел похоронить его в знаменитой столичной церкви Св. Ирины. 447 г. принес серию небывало сильных землетрясений, продолжавшихся несколько месяцев, когда рушились города, даже мощные оборонительные стены, башни, исчезали с земли реки, в безводных прежде местах возникали губительные наводнения, три или четыре дня непрерывающимся потоком шел дождь. Великий пожар 465 г. за четыре дня уничтожил восемь регионов Константинополя, площадь длиной 2,5 км и шириной 1 км, где не осталось ничего, кроме груды дымящихся развалин. После этого половину гигантского города пришлось отстраивать заново. С 475 до 603 г. в столице случилось еще 12 пожаров. Сильные подземные толчки и вызванный ими пожар 29 ноября 528 г. в Антиохии унесли жизнь 4870 человек, после чего страдания жителей усугубила чрезвычайно суровая зима, заставившая антиохийцев начать исход из своего полуразрушенного, пришедшего в упадок города. Наступавший вслед за такими событиями «строительный бум» в некоторых городах объясним как раз попытками властей поправить положение, выделить или найти средства, подчас весьма значительные, на восстановление разрушенного и постройку новых зданий, храмов.

Не меньше бед случалось от наводнений. Евагрий Схоластик вспоминал, как в правление Юстина I, Эдесса в Месопотамии, «город крупнейший и процветающий, был стремительно затоплен в половодье водами реки Скирт», притока Евфрата, так что «бесчисленное множество [людей] погибло, увлеченных потоком». О таком же внезапном весеннем наводнении, случившемся в этом городе в 525 г., писал Захарий Митиленский: «...было время обеда, и когда еще их пища была у них во рту, настигли их воды наводнения Дайсана». Следы какого-то мощного стихийного бедствия, наподобие цунами, открыты археологами на месте столичного южного порта Элефтерий, где обнаружены хорошо сохранившиеся останки верблюдов, лошадей и 24 кораблей со всем, что на них было, включая подошвы сандалий, крючки и шила для латания парусов, весы, светильники, фишки и игральные доски, гребешки, зеркала и т. д.

Еще более частые опасности подстерегали ромеев на море. Пассажиры и экипажи судов находили общую могилу в пучине в случае кораблекрушения или продавались в рабство захватившими их пиратами, которых было особенно много в Эгейском море. Даже бедные монахи, добывавшие себе пропитание рыболовством, случалось, становились жертвами хищных акул.

И письменные источники, и находимые археологами человеческие останки со следами ранений свидетельствуют о том, что смертельная опасность и угроза насилия являлись определяющими факторами жизни. Немало византийцев гибло во время вражеских вторжений, изрубленными, зарезанными, сгоревшими живьем во взятых городах. Например, после взятия персами Иерусалима в начале VII в. здесь была вырезана большая часть девушек, женщин, монахинь, пытавшихся сопротивляться насильникам. Некоторые, не желая быть опозоренными и изнасилованными, сами провоцировали врагов на убийство. В прекрасной поэме о легендарном герое партизанской войны Дигенисе Акрите есть жуткое, явно взятое с натуры описание оврага, заваленного трупами изуродованных сарацинами девушек:

«Убитых много там нашли и кровью обгаренных,
Иная обезглавлена, без рук, без ног другая.
У третьей вспоротый живот, отрублены все члены,
и опознать замученных никто не смог бы в свете».

Оставшиеся не погребенными тела в слое пожара, уничтожившего большую часть крымского Херсона в XIII в., могут означать, что катастрофа, охватившая город, — нападение сельджуков или монгол, не оставила в живых тех, кто мог бы позаботиться о погибших.

Смерть облюбовала византийскую армию, причем причиной гибели солдат становились не только военные баталии, но и болезни. Особенно велики потери оказывались во время поражений. Характерный пример — резня, устроенная византийской армии болгарами в горной теснине в июле 811 г., когда погибло почти все войско, сам василевс Никифор Генник и от смертельной раны, с перебитым позвоночником, парализованный, тремя месяцами спустя скончался в агонии его сын Ставракий. Ромеи не смогли забыть тех 42 воинов-мучеников, которые были пленены арабами в малоазийском Амории в 838 г. и, решительно отказываясь принять ислам, после семи лет страданий в плену были обезглавлены на берегу Тигра. Анализ сражений Комнинов показывает, что в них гибло около 20 % солдат, причем пятая часть — в первые, самые страшные две-три

минуты боя. Впрочем, отдельные битвы оказывались успешными, совсем без потерь.

Военная профессия никогда не считалась почетной в Византии, хотя служба в армии, особенно в офицерском составе, считалась достаточно престижной и высокоуважаемой. Империя не упускала возможности продемонстрировать свою военную силу, особенно когда она была. Но вообще византийцы самым парадоксальным образом сочетали воинственность с миролюбием и стремились любой ценой избежать вооруженного противостояния. Они неприязненно смотрели на войну, особенно на войну ради самой войны, и на связанное с ней кровопролитие как на неизбежное зло и старались идти на нее только тогда, когда все другие способы, приемы добиться желаемого, такие как интриги, подкупы, столь шокировавшие иноземцев, а также изворотливые дипломатические переговоры, дорогие подарки, дача громких титулов, уплата дани, даже выдача императорских дочерей, племянниц за вражеских правителей оказывались исчерпаны. Политика не воевать, а сдерживать, покупать мир была, разумеется, самым дорогим удовольствием. Она требовала золота, золота и золота. Но ромеи сознательно и мастерски шли только по такому пути, дабы по возможности избегать еще большего, излишнего расходования дорогостоящих ресурсов, как человеческих, так и материальных. Стремление избежать войны на уничтожение, столь любимой римским легионерам «военной мясорубки», объяснялось еще и стратегической причиной: мудрым пониманием, что всех врагов все равно не перебьешь, а вчерашний потенциальный враг может стать еще и союзником. Сколько раз византийцам приходилось убеждать, что уничтожение одного врага попросту открывало путь другому, иногда еще более опасному! Поэтому они всегда стремились оставить для разбитого врага путь к отступлению.

Кроме того, их пацифизм поддерживался христианской верой, которая смешивалась с политической стратегией выживания, провозгласившей оправдание войны как необходимого, хотя и худшего из всех зол, осуществляемого прежде всего в защиту римского мира, своей страны, своего народа и той же православной веры. И все же убийство, даже во время «справедливой войны», то есть законной, богоугодной, а не междоусобной, Святые Отцы, например, Василий Кесарийский, осуждали и требовали отлучать от общения на три года воина-стратиота, убившего в бою врага. Для византийского склада ума была совершенно чужда идея «священной войны» и тем более мысль, что убийство, даже иноверца, может стать основанием для отпущения грехов. Именно поэтому военные, ушедшие в отставку, часто уходили в монастыри не только для того, чтобы иметь обеспеченную старость, но и для того, чтобы покаяться в грехах и обрести душевный

покой. Смерть на поле боя не признавалась славной. Отчасти это объясняет извечное стремление ромеев, до тонкостей постигая искусство войны, вести ее преимущественно с помощью иностранных наемников, что превратно понималось некоторыми как «изнеженность» византийцев, отсутствие у них мужества. К примеру, дука Кипра, а затем стратиг Атталии Евмафий Филокал, великолепный администратор, дипломат, ревностный исполнитель желаний Алексея I Комнина, был совсем не знаком с военной практикой, даже не мог натянуть лук и прикрыться щитом, что не мешало ему прекрасно понимать теорию военного дела, уметь отлично приготовить неприятелю засаду и толпами брать противника в плен.

Участие же клириков в боевых действиях и пролитии крови было особо запрещено каноническим правом и таких упражняющихся в воинском деле ждало лишение священного чина. Это резко отличает их от клириков Запада, где никого бы не удивил вид храброго епископа в полном боевом латном облачении с крестом в одной руке и булавой в другой, ведущего своих буйных вассалов в бой.

В отличие от прочих средневековых военачальников, византийские командующие, полководцы не были настроены на как можно большее пролитие крови своих воинов и варваров, хотя война против последних могла полагаться вполне оправданной, поскольку варвары исповедовали иную религию и в своем безумии пытались посягать на «богоизбранную Империю» и ее идеальный, с точки зрения ромеев, порядок устройства. Отвергая Империю и Императора, этих земных подобий Царства Небесного и самого Господа, они восставали, по мысли византийских книжников, против самого Бога и, значит, ставили себя вне закона. Тогда война против них приобретала характер войны не просто справедливой, а войны священной, победа в которой оправдывала использование любых средств, даже самых кровавых и жестоких. Ведь с точки зрения византийцев, это делалось и для блага самих варваров, их спасения, водворения на путь истины, принятия в лоно «богоизбранной державы». Одержанная победа указывала, что Господь на стороне ромеев и то, что совершено, совершено по Его воле и не может считаться преступлением, нарушением главной христианской заповеди «не убий».

Впрочем, такого рода безжалостные расправы над иноземцами, особенно пленниками, были для византийцев все же явлением редким. Так, в 503 г. магистр Келер, сражаясь с персами, в ожесточении отдал приказ своим полководцам убивать на вражеской земле всех мужчин в возрасте старше 12 лет, причем, если будет найден кто-нибудь из ромеев, спасший такого мужчину, то его надлежало убить вместо него. Только женщин и детей было приказано брать в плен, тогда как персы убивали и их. Иногда

ярость борьбы открывала шлюзы звериной жестокости с обеих сторон, как это было в 814 г. в ожесточенной войне с болгарами грозного хана Крума. Василевс Лев Армянин смог продвинуться вглубь вражеской территории, где его солдаты, пощадив взрослое население, начали хватать всех детей, каких только могли найти, разбив им потом головы о камни. Военный трактат X в. «О стычках», рассматривавший приемы партизанской войны-герилле в пограничье востока Малой Азии, отнюдь не по рыцарски советовал военачальнику в том случае, если его войско должно было передвигаться быстро, как того требовал стремительный рейд, перебить пленников, которых не успели выслать вперед. Знаменитый военачальник — богатырь Георгий Маниак, герой отвоевания у мусульман Сицилии, отчаянно сражаясь с лонгобардами и норманнами в южной Италии летом 1042 г., отдал жуткий приказ рубить и вешать всех подряд, не взирая на пол и возраст, даже духовный сан, причем детей чаще всего закапывали заживо.

Тем не менее, ромеи не забывали Евангелие, слова Христа, что «Сын человеческий пришел не губить души человеческие, а спасать». «Все, взявшие меч, от меча погибнут». Святой Макарий учил, что человек драгоценнее не только всех видимых тварей, но даже и ангелов. В конце VI в. «Стратегикон» Маврикия предписывал целесообразность обещать осажденным врагам «свободу и пощаду» и демонстрировать им «освобождение пленных». То же самое советовала «Тактика Льва» стратегу, ведущему осаду города. Он должен был объявить на языке его горожан, что не имеющие оружия не будут убиты, «чтобы и другие, видя твое добросердечие к покорившимся тебе, с усердием вручали тебе свою судьбу в надежде, что тот, кто не причиняет тебе никакого зла, не может от тебя пострадать». Составитель «Тактики» наставлял, что легче подчинить другой народ не смертью и жестокосердием, а «используя мудрость, справедливость и доброту, снисходительно покровительствуя приходящим к тебе, даруя им освобождение от всяческих повинностей и других обременений»: «ведь ты добиваешься подчинения противников не ради корыстных выгод нашей империи, но ради ее славы и чести, ради благополучия и свободы ее подданных».

Даже еретика или преступника старались по возможности сохранить жизнь. Иоанн Хрисостом грозил христианам Божиим гневом и истреблением — «непримиримой войной во вселенной», если они вздумают желать зла еретикам и, тем более, убивать их. Только Бог мог определять, когда и как «все неизлечимо зараженные сами по себе подвергнуться наказанию». Когда в 821 г. Патриарх Никифор I посоветовал Михаилу II казнить еретиков-павликиан, то василевс, хотя и слыл грубым, неотесанным солдатом, пощадил многих из них, последовав возразению Феодора Студита,

что Богу такое убийство не угодно. Он аргументировал это тем, что придет время и заблудшие могут вернуться к православию. Даже после подавления кровавого бунта Фомы Славянина и жестокой казни узурпатора, тот же Михаил Травл приказал прогнать по Ипподрому связанных пленных мятежников, но потом отпустил их всех, отправив в ссылку лишь нескольких архонтов из числа наиболее верных сторонников Фомы. Такое отношение к человеческой личности исключение в истории человечества.

Ромеи никогда не развивали культ смерти, как делали иные народы: никаких «плясок смерти», изображений черепов, скелетов, даже скульптурных надгробий умерших. Как иронично заметил византинист Джордж Деннис, они бы не поняли американский Хеллувин.

Смерть нельзя понять смертному. И все-таки, каково было отношение византийцев к смерти и в чем заключалась их «правда смертного часа»?

Можно заметить, что даже в своих законах сухое слово «помер» ромеи старались обойти, заменяя более философским выражением: «исполнить обязанность судьбы». Они не только понимали, что умрут, но и не надеялись дожить до старости. Смерть в этом обществе молодых стояла на пороге, была фатально близка, но не страшила, потому что важным было лишь успеть вовремя и искренне покаяться в совершенных при жизни грехах своей скоротечной жизни в надежде на вечную жизнь, «которую обещал неизменный в слове Бог прежде вековых времен» (Послания Апостолов: Тит. 2). Одна из нравоучительных житийных историй рассказывает по этому поводу, как в конце VI в. в столичную больницу Св. Сампсона пришел умирать некий знаменитый разбойник. Когда он скончался, над его телом бесы и ангелы затеяли спор, кому должна достаться его душа: бесы взвалили на чашу весов судьбы гору смертных грехов, а ангелы — колпак с головы умершего, каким он всю ночь утирал ручьем лившиеся перед смертью слезы раскаяния. И вот этот мокрый от слез колпак перевесил все многочисленные преступления. Остального можно было не бояться и ждать за гробом Божьего Суда, который придет в конце мира.

Высокоодаренный интеллектуал XIV в. Димитрий Кидонис, продолжатель тысячелетней греческой философской традиции, отмечал в своем трактате с характерным названием «О презрении к смерти», что страх смерти не рационален. Обычный же византиец не пытался подвести под это теоретическое обоснование. Он ясно понимал, что смерть это ближайшая соседка жизни, и поэтому надо дорожить всеми ее мгновениями. Недаром на воротах района Перамы в Константинополе много столетий красовалась надпись: «Мысли о смерти делают жизнь слаще». Каждый, прожив ее, должен был в любой момент встретиться с неизбежным, твердо зная, что здешний мир — не наш настоящий дом. Господь повелел, что человек

должен умереть. И те, кто умирает, делают это не потому, что случилось то или это, а потому что люди должны умирать. Война и чума были частью мира, сотворенного Богом, и сетования, ужасания тут были неуместны. Незадолго до своей смерти Феодор Студит вопрошал в одном из писем к угасавшему больному: «Но не лучше ли было, чтобы мы, удрученные старостью, совершенно бесполезные в жизни, только грехи на грехи нагромождающие, оставили эту несчастную плотскую темницу?...». При этом самым главным было не быть захваченным врасплох, подготовиться без смущения встретить час смерти в соответствии со словами Святого Писания: «Я приготовился и не смутился».

Итак, смерть перестала восприниматься ромеями как конец и вместе с этим постепенно исчезло терзавшее греко-римский языческий мир ощущение «бездны мрачной на краю», бледного тенеподобного посмертия. Записанные евангелистом Иоанном знаменитые слова Иисуса давали каждому верующему не просто надежду, а уверенность, что все будет по другому: «Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет. И всякий, живущий и верующий в Меня, не умрет вовек». Ему вторил евангелист Лука: «Бог же не есть Бог мертвых, но живых, ибо у Него все живы». Более того, апостол Павел в послании к Филиппийцам назвал смерть «приобретением» (1: 21), ибо праведная жизнь во Христе делала ее не страшным возмездием за грехи, а радостным венцом всей жизни, спокойным как сон переходом в иной мир. Уже Иоанн Христом наставлял в своем Пасхальном послании: «Никто пусть не страшится смерти, потому что освободила нас смерть Спасителя!... Смерть! Где твоё жало? Ад! Где твоя победа?... Воскрес Христос, и нет ни одного мертвого во гробе!». В другой своей проповеди он так характеризовал место христианского погребения, коллективную усыпальницу — кимиторий: «Вот почему это место называется местом успения, для того, чтобы вы могли понять, что умерший, который лежит тут, не мертвый, а только лежит спящим. Как видите, когда Христос пришел и умер для того, чтобы каждый человек получил вечную жизнь, умерший уже не называется мертвым, а лежащим во сне... Смотри как смерть называется успением повсюду. Вот почему и месту дано имя «место для успения». Вот видите, что это имя полезно и наполнено мудростью. Это слово достаточное утешение». Через пять веков ему продолжал вторить Симеон Метафраст: «...когда был воздвигнут Крест, и была устранена смерть, и Ад был пленен, и изменен был закон могилы, и смерть Христа явилась для смерти смертью, Спаситель, Воскресши, после одержанной им в Аду победы над смертью, явился своим горяющим и плачущим друзьям, и этим также удостоверяя свою победу».

Еще раз следует подчеркнуть, что для верующих ромеев смерть означала не конец жизни, но изменение существования: даже человеческая душа, судя по фрескам, представлялась в виде голенького или спеленатого младенца, которого несет в рай ангел или держит в руках Христос. Скорее, происшедшее с человеком, из которого ушла душа, воспринималось именно как сон, и даже в слове «упокоить» внятно проглядывает синоним «уложить спать». К примеру, Симеон Метафраст убеждал, что когда Спаситель собирался воскресить из мертвых своего друга Лазаря, «Он задумал показать, что могила — это (лишь) место сна». Недаром над поздней аристократической гробницей в стене экзонартекса церкви Хора — Кахрие Джами сохранилась фреска с изображением Косьмы Майюмского, автора погребальных гимнов, который держит свиток со словами: «Всякий человек вянет как цветок, и тает, как сон, и растворяется».

Разница между языческой трагической «безисходностью» и христианской надеждой на блаженное воздаяние вечной жизни выражено особенно отчетливо в том, что смерть становилась в представлении ромеев триумфом, новым светлым рождением и потому иногда сравнивалась с обрядом венчания, с торжеством. Как жизнь, так и смерть сами по себе были путешествием, — общим для всех путешествием в вечность. Мир мертвых ромеев остался только отчасти внешне похожим на прежний, его внутреннее восприятие миром живых стало иным, более спокойным, толерантным, простым, а сама смерть, как выразился французский тантролог Филипп Арьес, «прирученной». Показательно, что кварталы поздневизантийских провинциальных городов уже с X—XI вв. все гуще покрывались маленькими квартальными, «семейными» церквями, которые одновременно служили местами для коллективных кимитриев умерших прихожан. Устроенные под полом или в стенах этих церквей, а также рядом с ними, в непосредственном окружении частных жилых домов, они символизировали тесную связь жизни и смерти, ставших восприниматься абсолютно неразрывно и, самое главное, бестрепетно. Встречая более ранние могилы, строители новых гробниц собирали человеческие останки, содержащиеся в них, и перезахоранивали в ямах, могилах-костницах, твердо веруя, что за чередой тысячелетий неминуемо придет день, когда Господь призовет всех и живых, и мертвых на свой последний Страшный Суд.

ЛИТЕРАТУРА

- Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. — Симферополь, 1999.
- Аман А.-Г. Повседневная жизнь первых христиан. — М., 2003.

- Амброз А. К. Юго-Западный Крым. Могильники IV—VII вв. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таври. — (1994) 1995. — Вып. 4. — С. 31—88.
- Арнаутова Ю. Е. Колдуны и святые. Антропология болезни в Средние века. — СПб., 2004.
- Аръес Ф. Человек перед лицом смерти. — М., 1992.
- Бейкер Д. Юстиниан. Великий законодатель / Пер. с англ. А. Н. Анваера. — М., 2004.
- Бунятян Е. П., Зубарь В. М. Новый участок детских погребений позднеантичного некрополя Херсонеса // Советская археология. — 1991. — № 4. — С. 228—240.
- Герд Л. А. Перезахоронение останков человека в поствизантийском каноническом праве // ПОЛЕМОЛОГОС. Сборник статей памяти профессора В. В. Кучмы. — Вологоград, 2012. — С. 215—226.
- Голубцов А. П. Из чтений по церковной археологии и литургике. — СПб., 2006.
- Заупокойные службы // Христианство. Энциклопедический словарь. — М., 1993. — Т. 1. — С. 554.
- Зубарь В. М., Хворостяный А. И. От язычества к христианству. — К., 2000.
- Коноводов И. В. Поминальные службы в системе материального обеспечения византийских монастырей XI—XII вв. // ПОЛЕМОЛОГОС. Сборник статей памяти профессора В. В. Кучмы. — Вологоград, 2012. — С. 227—241.
- Кулаковский Ю. А. Керченская христианская катакомба 491 г. // Древности южной России. — Материалы по археологии России. — СПб., 1891. — № 6. — С. 11—13.
- Майко В. В. Средневековые некрополи Судакской долины. — К., 2007.
- Медведев И. П. Речь Георга Гемиста Плифона на похоронах Клеопы Малатесты // ПОЛЕМОЛОГОС. Сборник статей памяти профессора В. В. Кучмы. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2012. — С. 198—206.
- Медведев И. П. Танатология Георгия Гемиста Плифона // Сборник радова Византолошког института. — 2008. — Т. 45. — С. 267—274.
- Радочин В. Ю. Антропологические материалы из погребений V—IX вв. могильника у с. Лучистое // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. — 2003. — Вып. 10. — С. 158—169.
- Репников Н. И. Дневник раскопок херсонесского некрополя в 1908 году // Херсонесский сборник. — 1927. — Вып. 2. — С. 147—186.
- Сазанов А. В. Погребения в христианских храмах Херсонеса XI—XIV вв. // Херсонес Таврический у истоков мировых религий. Материалы науч. конф. — Севастополь, 2001. — С. 38—46.
- Сорочан С. Б. Рання Візантія: світло для живих і мертвих // Схід—Захід: Історико-культурологічний збірник. — Харків, 1999. — С. 62—91.
- Сорочан С. Б. Гробничное дело в византийском Херсоне (VI—X вв.) // Боспорские исследования. — Симферополь, 2005. — Вып. 9. — С. 159—211.
- Фомин М. В. Погребальная традиция и обряд в византийском Херсоне (IV—X вв.). — Харьков, 2011.
- Шиманский Г. И. Литургика: таинства и обряды. — М., 2004.
- Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории и материальной культуры // Материалы и исследования по археологии СССР. — 1959. — № 63.

- Abrahamse D.* Rituals of Death in the Middle Byzantine Period // The Greek Orthodox Theological Review. — 1984. — Vol. 29. — P. 125—134.
- Allen P.* The «Justinianic» Plague // Byzantion. — 1979. — Vol. 49. — P. 5—20.
- Barnes E.* The Dead Do Tell Tales // Corinth : The Centenary 1896—1996 / Eds. C. K. Williams II and N. Bookidis. — Athens, 2003. — P. 435—443.
- Benedictow O.* The Black Death 1346—1353: A Complete Histor. — Chatham, 2004.
- Berns C.* Untersuchungen zu den Grabbauten der frühen Kaiserzeit in Kleinasien. — Bonn, 2003.
- Bourbou C.* Health Patterns of Proto-Byzantine Populations (6th—7th centuries AD) in South Greece: The Cases of Eleutherna (Crete) and Messene (Peloponnese) // International Journal of Osteoarchaeology. — 2003. — Vol. 13. — P. 303—313.
- Bourbou C.* The People of Early Byzantine Eleutherna and Messene (6th—7th Centuries A. D.) : Bioarchaeological Approach. — Athens, 2004.
- Bourbou C.* Health and Disease in Byzantine Crete (7th—12th Centuries A. D.). — Farnham, 2010.
- Cantino Watagin G.* The Ideology of Urban Burials // The Idea and Ideal of the Town Between Late Antiquity and the Early Middle Ages (Transformation of the Roman World, 4). — Leiden; Boston; Köln; Brill, 1999. — P. 147—180.
- The Circus and a Byzantine Cemetery at Carthage / Ed. by John H. Humphrey. — Ann Arbor, 1988.
- Charanis P.* Observations on the Demography of the Byzantine Empire // Thirteenth International Congress of Byzantine Studies. — Oxford, 1966. — P. 1—19.
- Charanis P.* Studies on the Demography of the Byzantine Empire / With a preface by Speros Vryonis. — London, 1972.
- Congdon E. A.* Imperial Commemoration and Ritual in the Typikon of the Monastery of Christ Pantokrator // Revue des etudes byzantines. — 1996. — T. 54. — P. 161—199.
- Congourdeau M.-H.* Pour une étude de la Peste Noire a Byzance // Eupsychia. Mélanges offerts a Hélène Ahrweiler. — Paris, 1998. — Vol. 1. — P. 149—163.
- Conrad L. I.* The Plague in the Early Medieval Near East (Ph. D. thesis, Princeton University). — Princeton, 1981.
- Dagron G.* «Ainsi rein n'échappera a la reglementation». Etait, Eglise, corporations, conferies: a propos des inhumations a Constantinople (IVe—X^e siecle) // Hommes et richesses dans l'empire byzantin. — Paris, 1991. — T. 2: VIIIe—XVe siecle / Eds. V. Kravari, J. Lefort, C. Morrisson. — P. 156—163.
- Dennis G. T.* Death in Byzantium // Dumbarton Oaks Papers. — 2001. — № 55. — P. 3—18.
- Durliat J.* La peste du VIeme siècle, pour un nouvel examen de sources byzantins // Hommes et richesses dans l'Empire byzantin. T. 1: IVe—VIIe siecles / Ed. J. M. Lrfort et al. — Paris, 1989. — P. 107—119.
- Duval N.* «L'inhumation privilege» en Tunisie et en Tripolitanie // L'inhumation privilege du IVe au VIIIe siecle en Occident. actes du Colloque tenu a creteil les 16—18 mars 1984 / Ed. N. Duval, J.-Ch. Picard. — Paris, 1986. — P. 24—38.
- Fevrier P. A.* Une approche de la conversion des elites au IVe siecle: Le décor et le mort // la Mediterranee de Paul-albert Fevrier. — Rome; Aix-en-Provence, 1996.

- Grierson Ph.* The Tombs and Obits of the Byzantine Emperors, 337-1042 / With an additional note by Cyril Mango and Ihor Sevcenko. — [S. l. : s. n., 1962?].
- Hesberg H. V.* Romische Grabbauten. — Darmstadt, 1992.
- Issawi C.* The Area and Population of the Arab Empire: An Essay in Speculation // The Islamic Middle East: Studies in Economic and Social History, 600—1900 / Ed. A. L. Udovitch. — Princeton, 1981. — P. 375—396.
- Jacoby D.* La population de Constantinople a l'époque byzantine: un problème de démographie urbaine // Byzantion. — 1961. — T. 31. — P. 81-109.
- Jacoby D.* Phénomènes de démographie rurale a Byzance aux XIIIe, XIVe et XVe siècles // Etudes Rurales. — 1962. — T. 5—6. — P. 161—186.
- Kazhdan A.* Two Notes on Byzantine Demography of the Eleventh and Twelfth Centuries // Byzantinisch Forschungen. — 1982. — Bd. 8. — P. 115—122.
- Kislinger E.* Pane e demogra: l'appropriamento di Constantinopoli // Nel Nome del Pane / Eds. O. Longo and P. Scarpi. — Trent, 1995. — P. 279—293.
- Koder J.* Der Lebensraum der Byzantiner: historisch-geographischer Abri ihres mitteleuropäischen Staates im Östlichen Mittelmeerraum. — Graz, 1984; repr. Vienna, 2001.
- Koukoules Ph.* Byzantion bios kai politismos. — Athenai, 1951. — T. 4.
- Kouroupou M., Vannier J.-F.* Commemorations des Comnenos dans le typikon liturgique du monastere du Christ Philantrope // Revue des etudes byzantines. — 2005. — T. 63. — P. 41—69.
- Kristeva J.* Marder in Byzantium / Trans. from the French by C. Jon Delogu. — New York, 2006.
- Laiou A. E.* Contribution à l'étude de l'institution familiale en Epire au XIIIe siècle // Fontes Minores. — 1984. — T. 6. — P. 275—323.
- Laiou A. E.* The Human Resources // The Economic History of Byzantium from the Seventh through the Fifteenth Century / Eds. A. E. Laiou et al. — Washington, D. C., 2002. — Vol. 1. — P. 47—55 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.doaks.org/EHB.html>
- Laiou-Thomadakis A. E.* Peasant Society in the Late Byzantine Empire: A Social and Demographic Study. — Princeton, 1977.
- Lassus J.* Sanctuaires chrétiens de Syrie. — Paris, 1962.
- Lefort J.* Population et peuplement en Macédoine orientale, IXe—XVe siècle // Hommes et richesses dans l'Empire byzantine / Eds. V. Kravari, J. Lefort, C. Morrisson. — Paris, 1991. — Vol. 2. — P. 63—82.
- MacAlister S.* Dreams and Suicides: the Greek Novel from Antiquity to the Byzantine Empire. — London; New York, 1996.
- Plague and the End of Antiquity / Ed. by L. K. Little. — Cambridge, 2007.
- Magdalino P.* Medieval Constantinople: Built Environment and Urban Development // The Economic History of Byzantium from the Seventh through the Fifteenth Century / Eds. A. E. Laiou et al. — Washington, D. C., 2002. — Vol. 2. — P. 529—537 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.doaks.org/EHB.html>.
- Mango C.* Le développement urbain de Constantinople (IVe—VIIe siècles). — Paris, 1985.
- Muller A. E.* Getreide für Konstantinopel // Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik. — 1993. — Bd. 43. — S. 1—20.

- Panagiotopoulos B.* Plethysmos kai oikismoi tes Peloponnesou, 130^s—180^s aionas. — Athenai, 1985.
- Patlagean E.* Pauvreté économique et pauvreté sociale a Byzance 4e-/e siècles. — Paris; The Hague, 1977.
- Plague and the End of Antiquity : The Pandemic of 541—750 / Ed. Lester K. Little. — Cambridge, 2006.
- Petrakakos D. A.* Die Toten im Recht. — Leipzig, 1905.
- Russel J. C.* Late Ancient and Medieval Population. — Philadelphia, 1958.
- Saint-Rock P.* Le cimetiere de Basileus ou coemeterium sanctorum Marci et Marcelliani Damascque. — Citta del Vaticano, 1999 (Roma Sotterranea Cristiana, XII).
- Schneider A. M.* Die Bevolkerung Konstantinopels im XV. Jahrhundert // Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Gottingen. Philosophisch-historische Klasse. — 1949. — S. 233—244.
- Sodini J.-P.* Les «tombes privilegiees» dans L'Orient Chretien (a l'exception du diocese d'Egypte) // L'inhumation privilegiee du IVe au VIIIe siecle en Occident. Actes du Colloque tenu a Creteil les 16—18 mars 1984 / Ed. Y. Duval, J.-Ch. Picard. — Paris, 1986. — P. 233—239.
- Spyridakis G. K.* Ta kata ten teleuten ethima ton Byzantinon ek ton agiologikon pegon // Epeteris etaireias Byzantinon spoudon. — 1950. — T. 20. — S. 75—171.
- Stathakopoulos D. Ch.* Famine and Pestilence in the Late Roman and Early Byzantine Empire: A Systematic Survey of Subsistence Crises and Epidemics. — Aldershot, 2004.
- Stein E. Introduction à l'histoire et aux institutions byzantines // Traditio. — 1949—1951. — T. 7. — P. 95—168.
- Talbot A. M.* Old Age in Byzantium // Byzantinisch Zeitschrift. — 1984. — Bd. 77. — P. 276—296.
- Telelis I.* Meteorologikaphainomena kai klima sto Byzantio. — Athenai, 2003.
- Testini P.* Archeologia cristiana. — Roma, 1958.
- Ziegler P.* The Black Death. — Harmondsworth, 1969.